

Аккордеон
не берут

Федин Геннадий

Геннадий Львович Федин

Аккордеон не берут

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70368424

SelfPub; 2024

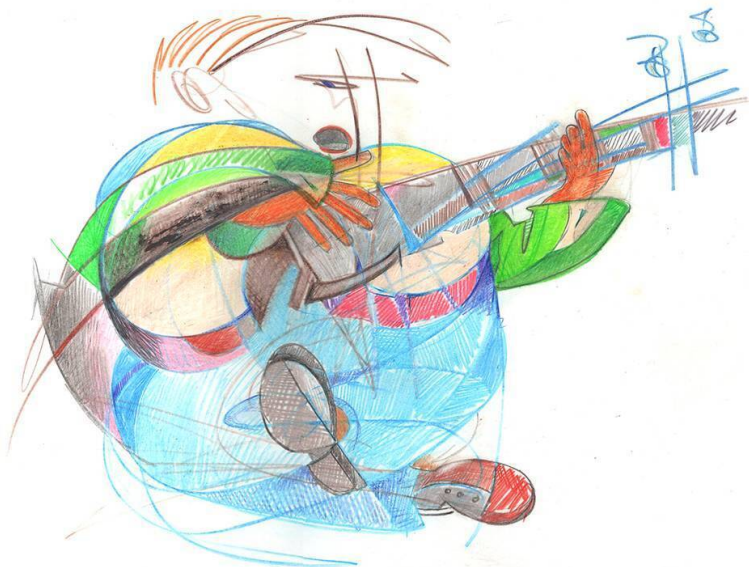
Аннотация

Как и предыдущие рассказы, юмор, юмор и юмор. Все происходящее и правда, и нет. Вам, читателю, решать. Время: перестройка. Но события не привязаны ко времени буквально. Это первый рассказ с иллюстрациями, я художник по образованию, надеюсь, отметите и эту заслугу в комментариях. Спасибо.

Геннадий Федин

Аккордеон не берут

Я Львович

Студентом любил таскаться в подмосковные леса на слеты КСП (Клуб самодеятельной песни). Музыкальный слух?!, какой там слух. Меня медведь мял и все уши оттоптал. А все ж, слет КСП – это маленький поход. Как говорит путе-

шественник Конюхов: «Чего дома сидеть». И девочки симпатичные, и друзья активные, костер, песни под гитару, а как стемнеет – концерт. И выпить, и закусить... А если повезет с девочкой, то ...

Романтика, одним словом.

Попасть на закрытый слёт непросто. Почему закрытый? Мода такая была. Организаторы – активная группа Высшего Учебного Заведения. Например, КСП слет Московского Физико-Технологического Института (МФТИ). Здесь я возможно несколько перевираю, прежде всего МФТИ известен своей командой КВН, но, вполне возможно, были у них слеты и точно были барды. Слет МФТИ, а я учусь в Московском Педагогическом Университете им. Ленина (МПГУ).

Моя информация: есть время проведения слета и название железнодорожной станции, от которой ищем поляну. Но как добраться от «железки» до места слета, до поляны – информации нет, эти сведения только для своих. Небольшая группа, состав из студентов МПГУ и примкнувшие к ним лоботрясы, отправляется электричкой до нужной станции. Делаем вид, что мы свои, все знаем. А сами следим за другими, предположительно из МФТИ. Но они, возможно, из МИСИС (Московский Институт Стали и Сплавов) и тоже делают вид, подглядывают за нами.

Станция «ЛЕСНАЯ». Выходим. Поезд ушел. Выдохнули. Все на платформе. Огляделись. Триста шестьдесят градусов лес. Замечательный день, утром было яркое солнце, сейчас

облака. Солнце выглядывает, посылает солнечных зайчиков на платформу, на будку-кассу, сверкают рельсы и ограждения на платформе. Уходящий поезд пылает зеленой свечей. Чуть ветерок, но он не мешает. Отличное настроение.

Семь минут перекур. Пока курим к платформе подкапывает мотоцикл с коляской армейский УРАЛ. Студенты, один парень и две девушки грузят в коляску рюкзаки. Мотоцикл исчезает в лесу. Отлично, знаем направление движения. Принимаем решение, «сесть на хвост» трем студентам. За нами еще группа 6 человек, они за нами.

Двинулись, возможно все знают куда путь держать. А на самом деле, как потом оказалось никто точно не знает. Идем друг за другом, каждая группа уверенно шагает. Прошли километра три, засомневались. Пора бы и пришагать. А, нет даже намек на организованную сцену. Для КСП, заранее, строят из бревен большую сцену. Дизельгенератор должен трещать в глубокой яме. Он обеспечивает всю поляну электричеством: свет, звук, иногда клавишные и синтезатор.

Где все?

Догнал очень симпатичную девушку из группы трех студентов с сумкой (не рюкзаком). Хм, есть повод познакомиться!

– Давайте Леночка, поклажу вашу оптимизируем в мой рюкзак, а Вы свободно зашагаете.

– Я не Леночка, я Римма.

– Геннадий, с двумя н пишется.

– Не козыряйте Генннннадий.

Опускаю пошлый, но необходимый диалог для оформления знакомства. Приведу лишь заключительную часть. У меня шутка была заготовлена. Шутка шуткой, но истинная правда – я учился 1 год в Институте Управления Народного хозяйства, потом бросил.

– Когда я в первом институте учился, более трёх четвертей курса были девушки, предупреждал их: «не будете меня на руках носить, уйду в другой ВУЗ». Они не носили меня на руках, я поступил в другой ВУЗ, на Худ Граф в МПГУ. Здесь девушки меня носят ...

– Ты не из МФТИ!? – удивилась Римма.

– Нет. И я не знаю где слёт, мы идем за вами.

– Мы с «Музыкального искусства» педагогического. – Потом короткий смех, добрый и без испуга.

– Где бы мы встретились? Заблудимся, в «Универе» найдемся.

Вместе с Риммой весело шагать (по просторам) по лесу.

Уже темнеет, между прочим. Группы объединились в одну. Завязалась беседа. Есть еще не приглашенные участники, чуть дальше от «пелотона», они так же далеки от того, чтобы стать студентами МФТИ, и они не знают дороги к поляне. Догнав «пелотон» вновь подошедшие, узнав о невозможности точно проложить путь к слету, перебили тональность мирной беседы обидными выражениями, устав-

шие студентки приложили к носикам платочки. А потом с огромным энтузиазмом все бегали в пределах 50 метров от места остановки, в надежде отыскать следы. Какие следы!? Следов от мотоцикла не было. С меньшим энтузиазмом покричали на все четыре стороны. Результат: тишина.

– Римма, а что это за грузовое такси? И почему вы не знаете дороги. – на мой взгляд резонно поинтересовался я.

– Сережка договаривался, а сам в последний момент соскочил.

– qui c'est Сережка? – применил единственное выражение, которое знал по французки.

Что-то мне не понравилось в этом Сережке, из трех студентов, студентка и студент явно были парой, Римма одна, а тут какой-то Сережка.

– Я его не знаю, он из МФТИ. Пригласил Катю с Лехой. Катя не спит с Лехой. Выручай, говорит, поделимся в палатках.

– ХА. – Не скрывая радости, кукарекнул я.

– Чего смешного?

«У меня на тебя планы» – подумал я.

Дорогу не знаем скоро ночь. Решили ставить лагерь, совсем без энтузиазма. Искали места для палаток, очищали поляны от шишек, рубили лапник. Юноши соорудили костер. И завертелось все, так обычно бывает в походе. Затем все перезнакомились. Влюбились. Мы с Риммой придумали что влюбились, и организовали длинный поцелуй.

Палатки пока не ставили.

В час X –устроились выпивать, закусывать и петь песни. В прекрасной атмосфере проходил наш незапланированный слет. Раскрепостились, пели песни громко, а потому не слышали в далеке. А издалека вот что!

Егор отправился от костра по нужде. Не отошел пятнадцати метров, забыл про нужду, вернулся бегом. Лицо его светилось не только от костра, но и от радости огромной.

«Там! Там концерт» – крикнул он, перебив очередную походную песню.

Обрушилась тишина. А спустя несколько мгновений стало слышно, как где-то, на рубленой лесной сцене начинает проверять свой микрофон бард. Ура! – мы спасены.

Теперь, собрать вино, закуску, не забыть сигареты и двинуть в сторону звуков, рожденных при настройке аппаратуры.

Вышли к кулисам. Открылась поляна. Оказалось, что публика, в том лагере этим вечером-ночью не только из МФТИ. Просочилась на слет так же заинтересованная публика из МЭИ, МГУ, МИУ, и пр. и пр. Не стесняясь все организовывались и вывешивали флаги своих университетов.

Опоздали, что ж. За дело. Ставим лагерь. Кавардак в рюкзаках у юношей и в вязаных сетках на руках наших девушек. Кстати, надо заметить, что целлофановых пакетов, тогда не было. Они были, но их стирали, чтоб использовать еще раз. Да представьте: сеточки, легкие сумочки, бумажные пакеты. В рюкзаках: перемешались вещи, в сеточках продукты и ви-

но. Осложняется тем, что ночь, не видно не зги. Юноши чуть пьяны, девушки тоже чуть и устали, но надо ставить лагерь.

Римма, чмокнув меня в щеку, не простившись пропала, пропали и ее друзья-студенты. Как же так, я влюбился и вот на тебе. Но вдруг из темноты слышу: «Львович, помоги!». Вернулась, сердце забилось счастливым ритмом.

«Рюкзак, палатка, а это что у тебя?» – воткнув свой взгляд в ящик, сложной формы обтянутый легкой тканью: «переносной холодильник? Дорогая вещица в армии видел». Римма рассмеялась грудью. Меццо-сопрано: «Сам ты холодильник!».

– Я же музыкант. Отгадай.

– Там барабан, названий остальных инструментов я не знаю.

– Ну Львович, сам ты барабан. Это АККОРДЕОН!

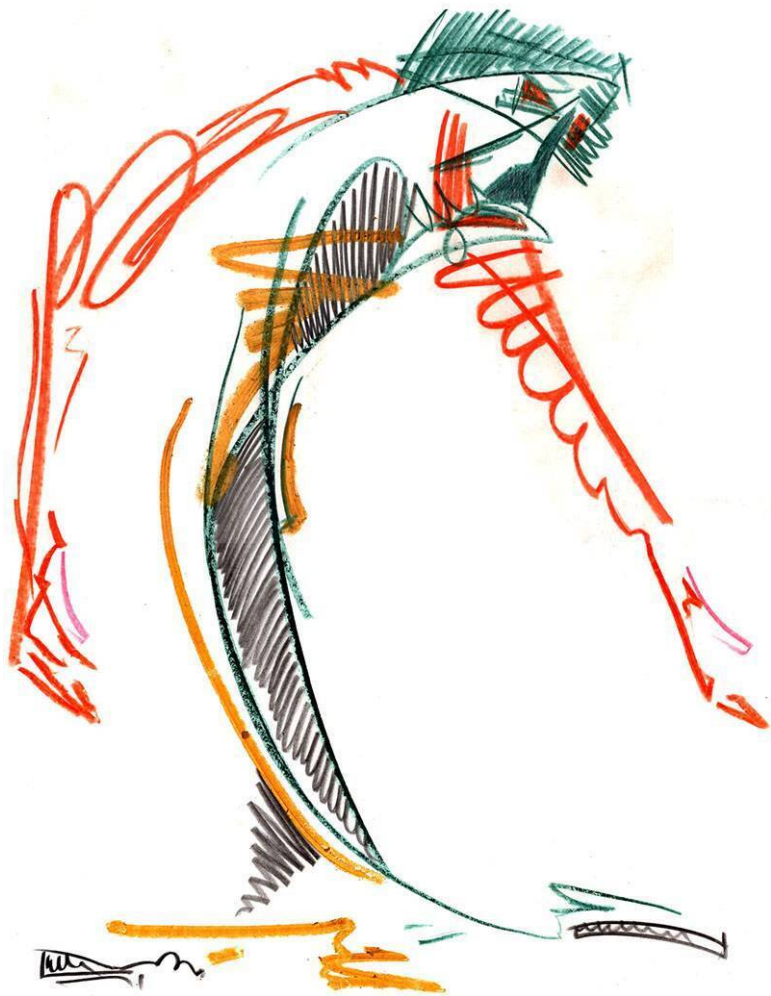
Львович в стопоре.

– Выходи из стопора, пойдем поможем палатку ставить нам с Катей.

«Ага, конечно, нам с Катей» – крамольно подумал я.

РАЗ, РАЗ, РАЗ, ... Последние приготовления к концерту.

Забиваем последний колышек, у крайней палатки нашего лагеря. А вот ОН пьяный слон, чужой, задевает тетиву от палатки, палатка накрывает жильцов-туристов. Мат перемат. Здесь не опишу, отсылаю в просторы интернета.

– Ты кто? ...

– Толик.

– Я Львович. Проводить тебя, до лагеря?

– ММММММММММММ

– Держись, примут тебя там?

– ХХХХХХХХХ

Познакомились, отправил нового знакомого в его лагерь.

Толика приняли, залили какую-то жидкость в горло, через секунды две, слышно, что жидкость идет обратно. «Теперь Толик спать».

Нечего сказать – дорого живут. Три огромные брезентовые палатки, автомобиль ГАЗ 66, с кунгом. Множество оборудования. А вот тот мотоцикл. Позавидовал, но ретировался.

Вернулся на базу, у костра двое парней. Они поставили палатки. Их любимые шуршат в тех палатках: стелют спальные. А ребята сделав мужскую работу расслабляются водочкой. ТУТ. Валера прибегает к костру от темноты. Надо сказать парень первокурсник и без опыта жизни. Пламя костра светит ему в лицо, глаз не видно: очки, верхняя губа чуть подергивается, нижняя огромная мясистая, волосы черные как ночь, а потому видна только «лопата – шея-черенок», «лицо–штык».

– Мужики, за той палаткой СЕКС!! Что это? Что делать, они стоя ЭТО.

Жуть испуг в голосе. Еле сдерживаемый нами хохот.

– Где это!? Показывай!

Оторопь. А далее такой приглушенный Валерин вой: «УУУУУУ».

Тут мы ржать. Гады, конечно, но не было сил сдержаться.

Успокоились, потрепали Валеру по плечам. Минут через 15 появились «преступники», застигнутые Валерой. Конечно, девушку мы не посвятили в Валерин конфуз, а парню, Костяну обрисовали Валерины сомнения. Костян, хохотал, извивался как червь, угомонился. Хорошо Валера не знает.

Начало концерта. Сидим, лицами в трибуну, три аккорда и великие смыслы. Сидим рядком. Пьяны и устали. Воспринимаются первые пять песен. Забавно, через каждые 5-7 минут откидывается на спину один, другой юноша. Поднимается рядом сидящая девушка, берет его за руки, тащит в палатку иногда необходима помощь. Осталось двое спящих на земле. Без девушек. Отмечу, не май месяц, а конец апреля. Следующим днем ночевавших на земле поили водкой с медом, делали компресс, растирали все той же водкой. Ангины не случилось, еще и потому что совершенно окоченевшие друзья часа в четыре утра нашли силы заползти в палатку.

Утро-день. Раньше часа по полудню всем проснуться не удастся, я исключение. Похмелья особого нет, не мог же я нажраться и тем самым обидеть Римму, но чуть подташнивает. Многие жалуются на головную боль утром, у меня такого эффекта нет. Однако, не уютно. Пошарил в загашниках палатки, ЕСТЬ. Употребил чуток. ЛУЧШЕ и теплее, напоминаю конец апреля. Римма спит под двумя спальниками. Спящие женщины особенно привлекательны, во сне не красуются не жеманятся, не сердятся, не истерят, не злятся. Выражение лица всегда умное, красивое. Римма: прическа – каре, краска – темная медь, личико кругленькое, чуть смуг-

лое. Глаза сейчас закрыты (цвет вчера не разглядел), ресницы большущие черные, брови тату, губы мечта поэта – пробовал. Нос – восточный. Возможна любовь.

Выбираюсь из палатки.

– Толик!

Представляюсь еще раз.

– Ты меня доставил домой вчера?

– Я. – улыбаюсь.

– Львович, пойдём в баню.

– До трех я совершенно свободен.

Я плеснул Толику сто-грамм «Столичной» и мы пошли в баню.

Я уже упоминал Газ 66, открываем дверь в кунг. А ТАМ. ПАРНАЯ. Чю, мы не одни. Труссы у меня не подходящие.

«Зачем тебе трусы?» – Поймал мою мысль Толик.

В парной две девушки, Толик без всякого стеснения овладел худенькой. Другая, кустодиевская девушка, розовая кожа, шатенка. Очень симпатичная. Я чуть оробел. Сама меня поцеловала. Было очень вкусно, Толик даже отвлекся на пару секунд, – зажигали мы с Ингой. Так звали девушку.

Лагерь поднимался трудно, несмотря на то что гудели микрофоны со сцены, противные гудки – будильник. Всё ж поднимались, собирались. Оценив сложившуюся обстановку, я забрался к Римме под-бочек. Чмок! Римма открыла глаза – КАРИЕ!

– Ты что такой гладкий, вкусно пахнешь – вопрос ко мне.

Он и для меня вопрос. Что врать? Где был, с кем. Надо резать правду матку. Начну с малого. Толик не выдаст, свинья не съест.

– К военным ходил, у них душ.

– А. К полковнику. Свеженький такой.

– Кто. Полковник?

– Ты.

Меня беспокоил полковник. Но сейчас же Римма соблазнила меня снова, после чего герой любовник уснул еще на 40 минут.

Собираю палатку и свою и Риммы, время есть Римма открыла аккордеон. Я влюбился окончательно. И ведь что выдала, затейница. «Если с другом вышел в путь веселей дорога». Её концерт, публике, собирающей лагерь понравился больше вчерашнего, с бардами. Откровенно говоря, мало кто что помнил.

Но что же полковник? Ведь было у НЕЕ тридцать минут, когда ходили за аккордеоном и рюкзаком. Ревную! Сам дундук. О! Пойду прощаться с Толиком.

Пришел, картина все та же; ГАЗ 66, военные палатки, мотоцикл. Но есть изменения! На двери кунга китель с полковничьими погонами. Нет он подполковник. Две звезды. У Полковника три.

«Две звезды – две светлых повести,

Два голоса среди молчания» – Игорь Николаев – автор, Пугачева и Кузьмин – исполнители.

Какой «кот» разница, две звезды или три. Если китель висит на двери кунга-бани он там. С кем? Совсем крыша едет. Римма же в нашем лагере.

Я иду к палатке, вроде повод есть – прощание, обмен номерами телефонов. А скребет у меня по сердцу. Поскреб и я по брезенту у входа. Вышли двое, рослый мужчина и Инга. Инга улыбается, и откровенно издевается надо мной и им, очевидно, ее мужем, уже майором.

Я чуть было не сказал: «Инга, Толика позови».

– Добрый день. Толика могу увидеть?

– Конечно.

Толик уже не трезв, но бодр и в теме!

– Толка салют! Пришел простится. Телефон дай.

– Вас приветствует младший лейтенант, адъютант его пре-
восходительства ... Львович, я Римму не наблюдаю в этом
вертепе. Телефон дам.

Возвращение. Идем и пьем, опять пьем. Я так до дома не
доеду! Перед станцией небольшой пруд красивый прозрач-
ный, в нем льдины.

В стороне от пруда туалет-будка, в те годы других не бы-
ло. «Избушка, избушка встань ко мне задом и к станции за-
дом», поворачиваюсь к станции задом. В пьяном мозгу –
сказка. Лес бабы Яги, тут тебе и отражение в воде черного
апрельского леса, и черный же большущий ворон на верхуш-
ке ольхи. Еще оставшиеся бугорки снега по периметру пру-
да. Справа камыши и рогоз. Блестят лужи на равнинах с про-
шлогодней травой, меж лужами сморчки и строчки. Гриб-
ник в длиннющих прорезиненных сапогах и телогрейке, по-
минутно наклоняясь собирает урожай. А может быть это Ле-
ший, подглядывает за нами, жалеет, что упустил добычу. Ба-
ба то небось печь «для нас» топит в избушке-сортире. Меж
льдин лики Кикимор болотных. Зовут, зову меня.

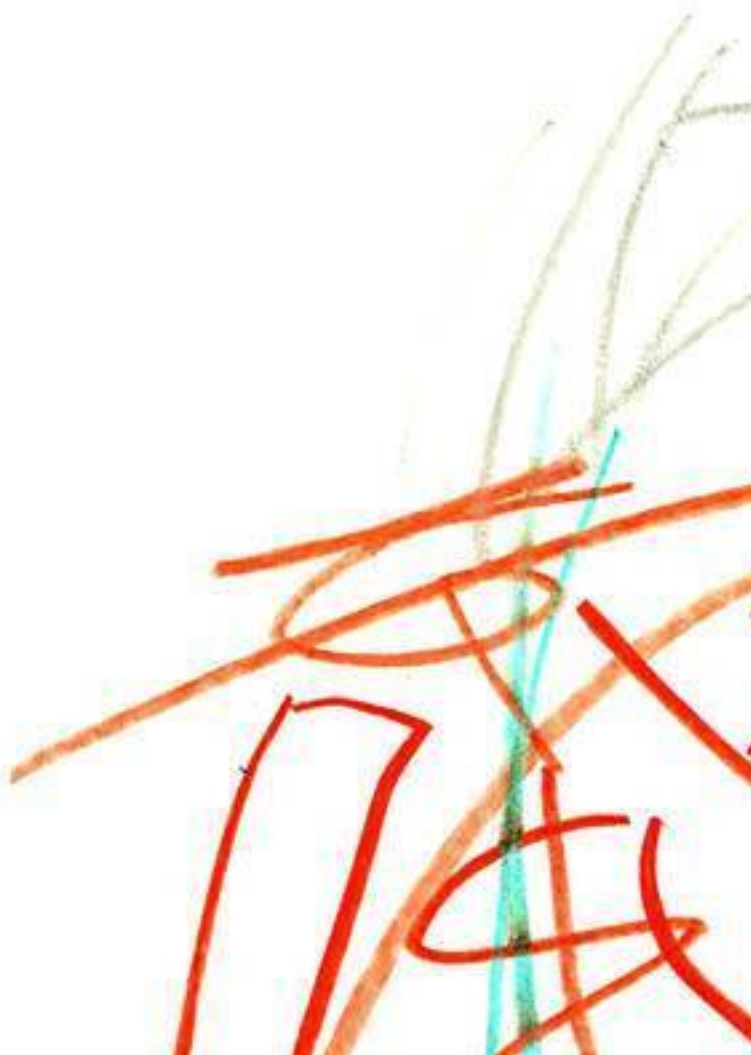
– Я льдины разгребу руками!

– Дебил?

– Я КМС по плаванию.

Рюкзак на землю, через двадцать секунд я в одних

трусах, еще через секунду без них. Девочкам забава.

Широкими шагами и одним прыжком в воду. Добрался до льдин, разгреб руками. Кикимор распугал, хотя у них ко мне интерес был. Выхожу. «Мой маленький», стал еще меньше, скукожился совсем. «Не надо на него указывать пальцем!» Римма смеется, бросила мне ранее приготовленное полотенце.

Не вероятно: «Я ТРЕЗВ!!»

Теперь на электричку, домой. Поезд пришел, быстро загрузили в тамбур снаряжение. А, впрочем, бывает так.

Заброска байдарочников, «снаряги» полно: байдарки, рюкзаки, посуда, продукты. Почему продукты? А потому что в конце прошлого века еду нужно было брать с собой. За 50 километров от Москвы в магазинах доступна была лишь соль. Про водку и спирт мечтать не чего. Все с собой. Словом, барахло на экипаж из двух человек килограмм на 50-60. Байдарка брезентовая 20-25, рюкзак 20-30, посуда, ее в рюкзак не положишь: котелки, каны, ... Так вот, о чем спич. Утро раннее, первая электричка, все наготове. Поезд останавливается. Двое парней до открытия дверей, на старте. Старт! Забегают в вагон и совершенно наглым образом открывают горизонтальные окна, те, которые обращены к платформе. Конечно, если открываются. Мирно спящие пассажиры, ошеломлены. Бросаются на противоположную сторону вагона. Начинается ругань, мы тоже отвечаем, мат перемат. Через две секунды с платформы в окна летят, рюкзаки, посуда и все что есть. Байдарки же мирно и аккуратно зано-

сятся в тамбур: байдарка, это святое.

Успели, поезд трогается. А бывает и не «успели», причиной тому полная электричка народу. Тогда в два захода, на следующем поезде отставшие.

Отвлёкшись на описание особенностей «заброски» в прошлом веке, возвращаюсь к рассказу о КСП. Здесь пеший поход, вещей мало, все уже находимся с вещами в тамбуре. Известный вам Егор, озвучил мысль, пришедшую в его голову видимо из избушки-клозета.

«Римма, аккордеон! Пошли по вагону. Ченить патриотическое! Например: – что тебе снится крейсер Аврора. Львович, ты не против? Будем ее сопровождать».

Римма в центре, двое сопровождают. Открываем двери из тамбура и как следует без вступления – Аврора. Уже не новый аккордеон Юность в привычной акустической среде обшарпанного вагона электрички описывает не спокойный сон Крейсера Революции. Утро встает над Невой, но еще дремлет притихший северный город. Волны крутые, штормы седые, в чёрных бушлатах. Каштановый колос Риммы, и мы с Егором её патрули.

Народ привычно так, реагирует. Это дает нам уверенность. У Егора в руке шапка-петушок развернуая в форму тарелки. Вдруг, о боже, мужчина догоняет нашу процессию и кладет в шапку-петушок рубль. Мы в шоке.

«Спасибо» – Римма чуть не плачет, совестно ей.

Дойдя до конца вагона, хотели объяснить, что наш пер-

форманс – это шутка – перформанс. Но как объяснить щедрому человеку, что мы не нуждаемся в деньгах, хотя, конечно, нуждаемся. Егор не растерялся. Оставил нас, вернулся к мужчине. Как-то объяснил ему нашу выходку, вернул рубль и пригласил в тамбур. Он принял предложение. Мужчине было лет 40, и он разбавил возраст погодков своим возрастом. Он рассказывал, бородатые анекдоты, много шутил экспромтом, монго смеялся и пел с нами. Называл нашу компанию огромнейшей – «огромаднейшей» поминутно. Огромнейший, проехал с нами свою станцию, так по-видимому, не хотел с нами расставаться.

Прибыв домой, Рима предупредила меня: «если ты не избавишься от этого слова, слова-паразита, «Огромнейший», я тебя брошу».

Я избавлялся целый месяц, спустя месяц мы сняли комнату, потом родили сына, потом другого потом сыграли свадьбу.

Вот

